

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 32 (3533)

Четверг, 15 марта 1956 г.

Цена 40 коп.

От Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и Совета Министров Союза ССР

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и Совет Министров Союза ССР с глубоким пригорбнем извещают, что 12 марта, в 23 часа 35 минут, после тяжелой болезни (инфаркт миокарда) в Москве скончался

выдающийся деятель международного коммунистического и рабочего движения, великий сын польского народа, Первый секретарь Центрального Комитета Польской Объединенной Рабочей партии Болеслав БЕРУТ.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

СОВЕТ
МИНИСТРОВ
СОЮЗА ССР

Болеслав Берут

12 марта после тяжелой болезни скончался Болеслав Берут — Первый секретарь Центрального Комитета Польской Объединенной Рабочей партии, великий сын польского народа, талантливый организатор строительства социалистической Польши, преданный друг Советского Союза, выдающийся деятель международного коммунистического и рабочего движения.

Болеслав Берут родился 18 апреля 1892 года в городе Люблине, в семье польского рабочего. Начиная с 1912 года он принимал активное участие в революционном рабочем движении. С момента создания Коммунистической партии Польши в 1918 году Болеслав Берут вступил в нее и вскоре стал ее активным деятелем. За участие в революционном движении он неоднократно подвергался преследованиям и арестам.

В период гитлеровской оккупации Польши Болеслав Берут был одним из главных организаторов движения сопротивления, борьбы польского народа за национальную и социальную освобождение. 1 января 1944 года он был избран президентом созданного в подполье Верховного представительного органа народной власти — Крайовой Рады Народовой. После освобождения страны войсками Советской Армии совместно со славными воинами Войска Польского в 1944—1945 годах польский народ во главе с Польской Объединенной Рабочей партией, руководимым деятелем которой являлся Болеслав Берут, осуществил коренные социально-экономические преобразования, и в Польше утвердился строй народной демократии.

В 1947—1952 годах Болеслав Берут был президентом Польской республики и председателем Государственного Совета, а в 1952—1954 годах являлся председателем Совета Министров Польской Народной Республики. В марте 1954 года он был избран Первым секретарем Центрального Комитета Польской Объединенной Рабочей партии. До самых последних дней своей жизни товарищ Берут отдавал все силы борьбе за счастье польского народа, за создание новой, социалистической Польши.

На протяжении всей своей партийной и государственной деятельности Болеслав Берут твердо стоял на позициях пролетарского интернационализма, неуклонно следуя боевой традиции польского рабочего класса и его партии, тесно связанной с Коммунистической партией Советского

Союза узами совместной полувековой революционной борьбы, идейной общности, дружбы и братства.

В своих выступлениях Болеслав Берут неустанно подчеркивал великое значение нерушимой дружбы польского и советского народов, призывал к дальнейшему сплочению сил социалистического лагеря. Совсем недавно с трибуны XX съезда КПСС он вдохновенно говорил: «Революционные традиции польского рабочего класса, его политическое объединение, дружба и сплоченность народов всего социалистического лагеря, растущая боевая активность международного рабочего движения, освободительная борьба угнетенных народов, воодушевленных историческими подвигами народов Советского Союза, укрепляют волю польских трудящихся масс в борьбе за полную победу социализма».

Товарищ Берут известен, как испытанный деятель международного коммунистического и рабочего движения. Польский рабочий класс, польский народ в лице Болеслава Берута выдвинули выдающегося политического и государственного деятеля, столь много сделавшего для создания новой, Народной Польши, для создания великого сотрудничества социалистических стран. Он принимал активное участие в деятельности Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. После войны он участвовал в работе Информационного Бюро коммунистических и рабочих партий.

В лице Болеслава Берута трудящиеся Польши и всех стран потеряли стойкого борца, беззаветно отдавшего всю свою жизнь до последнего дыхания служению делу рабочего класса, великому делу борьбы за коммунизм.

В день своего шестидесятилетия в 1952 году Болеслав Берут с гордостью заявлял, что источником интеллектуальных и моральных сил, источником роста и развития каждого из нас являются идеи марксизма-ленинизма. Безграничная верность марксизму-ленинизму — главная черта духовного облика Болеслава Берута.

Вся жизнь товарища Берута является замечательным примером для всех борцов за дело мира, демократии и социализма, за счастье народов. Светлый образ Болеслава Берута никогда не изгладится из нашей памяти.

Прощай, наш незабвенный друг и боевой товарищ!

Н. БУЛГАНИН
К. ВОРОШИЛОВ
Л. КАГАНОВИЧ
А. КИРИЧЕНКО
Г. МАЛЕНКОВ
А. МИКОЯН
В. МОЛОТОВ

М. ПЕРВУХИН
М. САБУРОВ
М. СУСЛОВ
Н. ХРУЩЕВ
Г. ЖУКОВ
Л. БРЕЖНЕВ
Н. МУХИТДИНОВ

Д. ШЕПИЛОВ
Е. ФУРЦЕВА
Н. ШВЕРНИК
А. АРИСТОВ
Н. БЕЛЯЕВ
П. ПОСПЕЛОВ

Центральному Комитету Польской Объединенной Рабочей партии
Совету Министров Польской Народной Республики
Государственному Совету Польской Народной Республики

Дорогие друзья! Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Совет Министров СССР и Президиум Верховного Совета СССР выражают глубокое соболезнование Польской Объединенной Рабочей партии, правительству и народу Польши в связи с кончиной Первого секретаря ЦК ПОРП товарища Болеслава Берута — великого сына польского народа, выдающегося деятеля международного коммунистического и рабочего движения.

Смерть Болеслава Берута — тяжелая утрата для польского народа, для народов Советского Союза, для великого сотрудничества социалистических стран, для трудящихся всего мира. В лице товарища Берута Польская Объединенная Рабочая партия и весь польский народ потеряли своего испытанного политического руководителя и организатора борьбы за строительство социализма.

Славная жизнь и деятельность Болеслава Берута будет являться вдохновляющим примером в борьбе за торжество идей коммунизма, служению которым товарищ Берут отдал все свои силы.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

СОВЕТ
МИНИСТРОВ
СОЮЗА ССР

ПРЕЗИДИУМ
ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР

СОВЕТСКАЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ НА ПОХОРОНЫ ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК ПОРП тов. БОЛЕСЛАВА БЕРУТА

На похороны Первого секретаря ЦК Польской Объединенной Рабочей партии тов. Болеслава Берута в Варшаву направляется Советская Правительственная делегация в составе следующих товарищей: Члена Президиума Верховного Совета СССР, Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева (глава делегации), Председателя Совета Министров РСФСР М. А. Яснова, Председателя Совета Министров УССР Н. Т. Кальченко, Председателя Президиума Верховного Совета БССР В. И. Козлова, Председателя Президиума Верховного Совета Литовской ССР Ю. И. Палецкиса, Маршала Советского Союза И. С. Конева, Председателя Моссвета Н. И. Бобровникова, писательницы В. Л. Васильевской, советского посла в Польше П. К. Пономаренко.

СООБЩЕНИЕ ЦК ПОРП, ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА И ПРАВИТЕЛЬСТВА ПОЛЬШИ

Центральный Комитет Польской Объединенной Рабочей партии, Государственный Совет и Правительство Польской Народной Республики создали для организации похорон Первого секретаря ЦК ПОРП Болеслава Берута комиссию в составе: З. Новака (председатель), В. Альбрехта, В. Барциковского, Е. Яворской, Ф. Южвяка, А. Юшкевича, В. Клоусевича, Е. Моравского, А. Мусавой и Р. Замбровского.

Трудящиеся Москвы проводили в последний путь Болеслава Берута

14 марта трудящиеся Москвы проводили в последний путь Первого секретаря Центрального Комитета Польской Объединенной Рабочей партии Болеслава Берута.

Столица Советского Союза в трауре. На зданиях вывешены красные флаги, обрамленные черным крепом. В трауре фасад Дома союзов, в Колонном зале которого установлен гроб с прахом великого сына польского народа. Накануне через этот зал, прощаясь с выдающимся деятелем международного коммунистического и рабочего движения Болеславом Берутом, прошло свыше ста тысяч трудящихся столицы.

В Колонном зале звучит скорбная мелодия траурного марша Шопена. В 10 часов утра в почетный караул у гроба Болеслава Берута становятся товарищи Н. А. Булганин, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, В. М. Молотов, М. Г. Первухин, М. З. Сабуров, М. А. Сушков, Г. К. Жуков, Л. И. Брежнев, Д. Т. Шепилов, Е. А. Фурцева, А. В. Аристов, Н. И. Беляев, П. Н. Поспелов, члены делегации Польской Объединенной Рабочей партии и польского правительства — Я. Берман, А. Завадский, Ф. Мауэр, Э. Охоб, Ю. Циранкевич. Посол Польской Народной Республики в СССР В. Левиковский, представитель великого китайского народа маршал Чжу Да.

Затем руководители партии и Советского правительства вместе с польскими товарищами поднимают гроб с телом Болеслава Берута, выносят на улицу и устанавливают в специальном автобусе, который направляется на Центральный аэродром.

На всем пути от Дома союзов до Центрального аэродрома по обеим сторонам улицы Горького и Ленинградского шоссе, провожая траурную процессию, в скорбном молчании стоят трудящиеся. Под звуки траурного марша кортеж автомобилей въезжает на аэродром. На матах — государственные флаги СССР и Польской Народной Республики. Около двадцати тысяч москвичей собралось здесь на траурный митинг, посвященный памяти Болеслава Берута.

На трибуну поднимаются руководители Коммунистической партии и Советского правительства, члены Польской делегации. Траурный митинг трудящихся Москвы открывает секретарь ЦК и МК КПСС Е. А. Фурцева.

Слово предоставляется Председателю Совета Министров СССР, члену Президиума ЦК КПСС товарищу Н. А. Булганину. От имени Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства, от имени всего советского народа он выражает глубокое соболезнование Польской Объединенной Рабочей партии и братскому польскому народу.

— Советскому народу и трудящимся других стран Болеслав Берут известен как крупнейший деятель международного коммунистического движения, посвятивший делу служения рабочему

классу всю свою жизнь, — продолжает Н. А. Булганин. — Болеслав Берут был настолько одаренным и разносторонним деятелем, что трудно найти подходящие слова, чтобы обрисовать его духовный облик. Нельзя, однако, не отметить главной его черты. Я имею в виду беспредельную верность товарища Берута марксизму-ленинизму, а также его глубокую преданность идее пролетарского интернационализма.

Н. А. Булганин говорит о том, что Болеслав Берут неустанно призывал членов Польской Объединенной Рабочей партии и всех трудящихся Польши укреплять братскую солидарность с народами Советского Союза, с великим китайским народом, со всеми странами народной демократии, с рабочим классом и братскими партиями в капиталистических странах. Вместе с тем, он был великим патриотом своей родной Польши.

Трудящиеся народной Польши добились огромных успехов во всех областях хозяйственного и культурного строительства. Неоправданная заслуга в этом принадлежит Болеславу Беруту — талантливому организатору строительства социалистической Польши.

— Советский народ, — сказал далее Н. А. Булганин, — знает Болеслава Берута как верного друга Советского Союза и активного поборника польско-советской дружбы. Товарищ Берут всегда и везде подчеркивал необходимость дружбы между народами Польши и Советского Союза. Никто и никогда, указывал он в одном из своих выступлений, не поколеблет этой дружбы, испытанной в огне великих исторических событий, опирающейся на братскую взаимную помощь и сотрудничество. О дружбе народной Польши с Советским Союзом товарищ Берут говорил и в своем последнем выступлении, на XX съезде Коммунистической партии Советского Союза.

В лице товарища Берута Польская Объединенная Рабочая партия и польский народ потеряли выдающегося организатора борьбы за строительство социализма, стойкого борца, беззаветно отдавшего всю свою жизнь служению великому делу коммунизма. Мы не сомневаемся в том, что в эти тяжелые дни рабочий класс и трудящиеся Польши еще теснее сплотятся вокруг своего испытанного руководителя — Польской Объединенной Рабочей партии и вокруг своего Правительства.

Светлый образ товарища Берута будет жить в сердцах трудящихся.

Прощай, наш дорогой друг и боевой товарищ!

Выступает секретарь Ленинского районного комитета КПСС С. Орлов. Он говорит о славной жизни Болеслава Берута, являющейся примером беззаветного служения интересам народа, о его постоянной заботе об укреплении союза и братской дружбы между польским и советским народами.

Варшава в трауре

С самого раннего утра в центральном аэродроме, расположенному вдалеке от города, направлялись большие группы жителей польской столицы. Они несли траурные флаги, обрамленные траурными лентами портреты своего любимого друга, пламенного борца за дело социализма товарища Берута.

В трауре центральный аэродром «Океан». Сюда прибыли члены Политбюро Центрального Комитета Польской Объединенной Рабочей партии, члены правительства и Государственного совета Польской Народной Республики, чле-

ны Политбюро Центрального Комитета ПОРП бережно несут гроб с останками покойного Болеслава Берута и уста навивают его на специальную машину.

Траурная процессия медленно направляется с аэродрома к зданию Центрального Комитета Польской Объединенной Рабочей партии, где будет установлен гроб с телом Болеслава Берута. Медленно идут машины по варшавским улицам. По обеим сторонам дороги десятки тысяч трудящихся польской столицы.

ВАРШАВА, 14 марта

ДВОРЕЦ КУЛЬТУРЫ

Узловского завода строят уже несколько лет. Но по всем зданиям вполне готова только вывеска. Все остальное в той или иной мере недостроено.

ЦЕНА СЛОВА

Илья ЗВЕРЕВ

Последствиях и морального и материального порядка. Люди привыкают думать, что за обязательство спросу нет, что обязательства сами по себе, а дело само по себе. Появляется лаялка для карьеристов, болтунов. От человека требуют дела — требуют справедливо, обоснованно. Отказаться нельзя, выполнить трудно. Самое простое, считает он, обещать — ведь это же ничего не стоит!

Практика, о которой идет речь, не только развращает некоторых работников, толкает их на путь наименьшего сопротивления. Она может в известных случаях ввести заметную дезорганизацию и в жизнь целого завода, колхоза, а то и города. Представьте себе крупную, всеобщую важную стройку, которой дают два, три, четыре «жестких срока» завершения работ. В результате, при сегодняшней взаимозависимости предприятий, срываются рабочие сроки и на другом объекте, не получают продукцию те, кто ее ждет, ломает свои планы уже не один завод, а трест, главк, министерство.

Существует у нас такой тип — «рыцари следующего понедельника». Это обычно очень милые, обязательные люди, чаще всего состоящие при высших присутственных местах. Придя в такую, попроси, что хочешь — хоть квартиру, хоть ремонт, хоть машину яров привезти — не откажет! Просто неведомо человеку слово «нет».

Они, эти «рыцари», не только говорят, но и пишут. В скольких райисполкомах, жидлоделах, строительных конторах можно найти документы, на каждом из которых увидишь пять, семь, а то и все десять резолюций. Почерки разные, но и без графологических познаний можно определить их родство: в каждом — равнодушие и безответственность.

Тут выход один: по всем линиям — по партийной, общественной, административной — строжайше взыскивать с работников, хамских безответственных обязательств, устанавливающих нереальные сроки. Этот тип деятелей должен исчезнуть, если будет настоящий, строгий спрос: не дай слово — крепись, дай — держись!

Педантичной аккуратности, индивидуальной ответственности за сделанное.

Кабинетный ДОТ (долговременная обязательная точка)

ЧЕЛОВЕК НА УЛИЦЕ

ОБЗОР ПИСЕМ

Одно из писем в редакцию начинается так: «В номерах вашей газеты от 26 ноября напечатана интересная статья проф. Страментова о благоустройстве города и уличном движении. Припоминается, что и ранее в какой-то газете была хорошая статья того же автора, в которой тоже говорилось о подземных переходах».

К сожалению, это верно. И о многоуровневом движении, и об уменьшении количества перекрестков, и об «островах безопасности», и об одностороннем движении по параллельным улицам, и о стоянках автомобилей, и о запущенности научной работы в области организации уличного движения — обо всем, о чем пишут сегодня в редакцию читатели, проф. А. Страментов уже писал в «Литературной газете» в статье «Улица и движение» три года назад. Удивительно, что руководители исполкомов крупнейших городов страны и прежде всего Москвы, которым налагается решать эти важные для горожан вопросы, так плохо слышат голос общественности.

Вторая статья доктора технических наук А. Страментова «Город, пешеход, транспорт» («Литературная газета» от 26 ноября 1955 года) получила полную поддержку читателей. Как скорее наладить образованный порядок на улицах наших городов, ритмичное и быстрое движение транспорта — это широко обсуждается в письмах.

Человек на улице должен чувствовать себя в безопасности даже на самых насыщенных транспортных магистралях; надо сделать так, чтобы при переходе через улицу пешеход не бежал, пугливо оглядываясь по сторонам, чтобы ему был создан, как образно пишет мичман Б. Корovinский, «зеленый тротуар». Саясь в автобус, трамвай, пассажир должен быть твердо уверен, что во время приезда на службу, в театр, на вокзал, что ему не придется волноваться из-за длительной задержки у светофора, что он легко и просто отыщет нужный ему переулок, номер дома.

Словом, человеку должно быть удобно на улице.

Многое зависит от расположения улиц и площадей, от планировки города, которые должны быть тщательно увязаны с организацией городского транспорта. Между тем, как пишет кандидат технических наук Г. Фрумин (Киев), исполкомы городских Советов часто застраивают город без учета транспортных нужд жителей и идут на поводу у отдельных ведомственных застройщиков, пренебрегая интересами города в целом».

Об ошибках архитекторов и планировщиков, не учитывающих при реконструкции и планировке улиц интересов уличного движения, возможностей и требований пешехода, пишет и начальник госавтоинспекции Ленинграда полковник Сидякин. Он приводит интересные примеры. В Ленинграде уже пять лет действует стадион имени Бирова, вмещающий 100 тысяч человек, а проблема транспортировки такого огромного количества людей не решена. Вступила в строй Ленинградский метрополитен, из Автово до Московского вокзала можно доехать теперь за 16 минут, но по-прежнему попасть на этот же вокзал из ветви станции «Площадь Восстания».

Для четкой работы транспорта необходимо и создание точных, в известной мере гибких, максимально учитывающих потребности горожан графиков, вправ, маршрутов. Думается, что в разработке их могло бы принять участие и население, — разве, скажем, рабочие и служащие крупного завода, студенты большого института не могли бы посоветовать, как рациональнее построить расписание движения трамвая или автобуса в их районе?!

Но создание правил — это одна часть дела. Вторая — добиться их строжайшего соблюдения. Справедливо мнение агронома Г. Нариниского (Мелитополь), который считает, что нельзя ограничиться разве-

пированием правил, а следует приучить каждого человека соблюдать эти правила. «Известно, что половина автари, — пишет тов. Сидякин, — происходит из-за нарушений водителями правил движения. Неосторожная езда, лихачество, автохулиганство — вот главные причины катастроф. Обычно самые тяжелые аварии совершают водители в пьяном виде. К сожалению, административные меры, которые принимает автоинспекция к нарушителям порядка, не дополняются воспитательными мерами в гаражах. Их руководители не считают себя ответственными за поведение водителя на линии — мы, мол, не можем следить за тем, что происходит за многие километры от нас...». Дисциплина движения транспорта — это прежде всего дисциплина шоферов, правильно отмечает тов. Сидякин. Он считает, что во всеобщие правила движения необходимо внести пункт об ответственности руководителей автохозяйств за дисциплину водителей.

Москвич В. Арямов — конструктор автомобилей. В уличном движении он участвует и как водитель автомашин и как пассажир общественного транспорта, а больше все-таки как пешеход. Тов. Арямов не согласен с предложением проф. Страментова о подземных тоннелях для пешеходов. Под землю, пишет автор, надо направлять поток машин, а не людей. Нельзя обеспечить удобства машин за счет удобства людей.

Многие товарищи пишут о необходимости решить, наконец, большой вопрос о том, где и как должны храниться индивидуальные автомашины.

Запорожье. Его главный, построенный за последние годы на берегу Днепра, огромный район по праву называется Социалистическим городом. Широкие бульвары, прямые асфальтированные магистрали, новые многоэтажные дома — видно, что строится он свободно, широко, прогрессивно. Но войдите во дворы этих новых домов — заставленные какими-то сараичками и клетушками, они похожи на чулан неравной хозяйки. Как протят эти постройки из досок и листов ржавого железа вид не только Запорожья, но и Москвы, и Ленинграда, и Киева, и Свердловска, и еще десятков других городов. В этих сараичках стоят автомашины. До сих пор не решен неотложный вопрос о том, где должны хранить свои машины индивидуальные владельцы. Сооружений по типовому проекту гараж на 100—200 машин остается мечтой автолюбителей. Между тем количество их растет изо дня в день, и бывший поначалу просто трудным вопрос «кустарьства» машины сейчас превратился в серьезную проблему.

Негде порой «прислечь» машину и днем — и частную и государственную. При планировке улиц часто вовсе не предусматриваются открытые автомобильные стоянки, и их устраивают где попало, да обещая так, что они мешают и пешеходам и транспорту. Не упорядочено в городах и движение велосипедистов, которым, по существу, негде ездить и негде оставлять на улице свою машину.

Многие письма посвящены «мелочам» городского быта. Фельдшер станции скорой помощи М. Индрина (Москва) жалует на путаницу в нумерации домов. В самом деле — как можно говорить всерьез о скорой помощи пострадавшему, когда иной раз вопрос жизни и смерти решают минуты, если нельзя найти табличку с номером дома, если, например, на Остаповском шоссе существуют два дома № 18?

Очистка мостовых ото льда — на первый взгляд не такое уж серьезное дело. Но представьте себе, пишет инвалид Отечественной войны П. Сياتкин, какого человека на протезе переходить такую превращенную в каток улицу, по которой и здоровые люди выгибаются с трудом. Нет, это тоже не мелочь...

За всеми большими и маленькими проблемами, которые волнуют читателей, стоит человек — житель нашего советского города. Его спокойствие, его удобства должны стать главной заботой городских Советов — и крупных центров и маленьких районных городов.

В Ленинграде, в Союзе художников состоялся общественное обсуждение проектов памятника великому русскому писателю А. М. Горькому в Ленинграде. Обсужден проект скульптора В. Исаева. На снимке: скульптор В. Исаев в своей мастерской у проекта памятника Горькому. Фото А. Секретарева

Как начинается весна

Существует много различных примет весны. Наблюдение цвeтoв деревьев или первый желтый цветок мать-мачехи может заметить каждый. А вот шучи бои по полю льдом — тоже примета весны — известный специалист да любитель природы. Но самым точный учет признаков весны, да к тому же одновременно по всей стране, ведется в Центральном институте прогнозов.

Заведующий отделом агрометеорологических прогнозов института А. Процоров показывает нам одну из карт, на которой отмечена южная граница снежного покрова европейской части СССР. Фиолетовая линия проходит по Одесской области, идет выше Крымской области, Кубани, Ставропольского края, частично Грозненской и Астраханской областей и упирается в Урал.

Беглый взгляд на эту карту вызывает сразу вопрос: — Почему отдельные фиолетовые пятна встречаются и южнее линии — на Кубани и в Закавказских республиках, в Молдавии? — На Кубани и в Закавказье, — поясняет наш собеседник, — снежный покров лежит местами в горных лесистых районах. А вот в Молдавии произошло такое явление — сначала снег сошел, а затем снова наступило похолодание, прошел небольшой снегопад.

Снег сошел во всех республиках Средней Азии, исключая северную часть Киргизии и Казахстана. На остальной территории СССР еще лежит глубокий снег, достигающий пятидесяти-шестидесяти сантиметров, что является весьма благоприятным для будущего урожая.

Закончив путешествие по границе снежного покрова, мы снова возвращаемся к югу страны. А. Процоров показывает новые карты — в этот раз местностей, где растения пошли в рост.

В республиках Средней Азии в последнее время стоит очень теплая зима: прошли хорошие дожди, дневная температура колеблется до 23—26 градусов выше нуля. Это создало благоприятные условия для роста растений. На огонных пастбищах Туркмении появилась трава. В некоторых местах уже отшел миндаль. В Термезе, Ширшаде, Джизаке, Намангане и других пунктах Средней Азии пошли в рост озимая пшеница и ячмень. Началась весновспаха под хлопок. В некоторых районах идет сев яровых, аспика по сахарную свеклу. В садах набухают почки плодовых деревьев.

В республиках Закавказья местами начались полевые работы. Весенние работы идут в садах Кубани, Ставрополя и Крымской области. — Как же в целом наступает весна? — Она несколько задержалась. В прошлом году в это же время были засеяны большие массивы. Сейчас же на этих землях, хотя и сошел снежный покров, время полевых работ еще не наступило.

Группы продленного дня в школах Украины

На XX съезде КПСС говорилось о необходимости обратить внимание на воспитание детей, родители которых не могут уделять им достаточного внимания в связи с занятостью на производстве или в учреждении. Многие киевские школы создают сейчас специальные группы учащихся первых — четвертых классов с продленным днем.

На днях Министерство просвещения Украинской ССР издало приказ об организации групп продленного дня для учащихся первого — четвертого классов в школах Киева, всех областных центров республики и Севастополя. Прием в эти группы производится на основании заявлений родителей.

В первую очередь принимаются дети матерей-одиночек. Подготовка домашних уроков, внеклассное чтение и другая работа с детьми будут проводиться под руководством опытных воспитателей. Расходы на питание учащихся в школьном буфете или в столовой, а также оплата труда воспитателя производятся за счет специальных ассигнований органов народного образования и небольших взносов родителей. Дети, родители которых имеют несвоевое заработка, берутся на полное обеспечение школы.

Встреча с книготорговцами

МИНСК. (Наш корр.). Книготорговцы города раз в месяц собираются вместе, чтобы поведать итоги работы, встретиться с писателями, издательскими работниками, покупателями. Очередная встреча состоялась в Союзе писателей Белоруссии. К этой встрече редакция белорусского сатирического журнала «Вожак» выпустила стенную газету; была организована и небольшая выставка книжного брака.

Международные литературные связи советских писателей

Как развиваются наши международные литературные связи? Корреспондент «Литературной газеты» беседовал на эту тему с секретарем правления Союза писателей СССР Б. Полевым. Ниже публикуются ответы Б. Полевого.

Как укрепились наши зарубежные литературные связи после Второго съезда советских писателей? — Раньше всего надо отметить, что съезд сыграл крупную роль как в развитии советской литературы, так и наших международных литературных связей. Он выявил огромное взаимное стремление советских и зарубежных писателей к более тесному творческому общению. Об этом весьма убедительно говорит хотя бы то, что в работе самого съезда приняли участие более сорока писателей из тридцати одной страны. Это дружеское общение помогло установить более тесный творческий контакт и с писателями таких стран, с которыми до сих пор его не было (Сирия, Ливан, Япония).

Год, прошедший после съезда, был годом дальнейшего укрепления связей с прогрессивными писателями мира. За это время у нас побывали тридцать три делегации из двенадцати стран. Мы укрепили наши старые, традиционные литературные связи и установили много новых.

Чрез нашего друга, поэта Нгуэн Дин Тхи, завязалась прочная дружба с талантливой вьетнамской литературой. Японский пролетарский писатель Сунао Токунэга и писательницы вместе с ним критик, литературовед и переводчик советской литературы Исаками Дзюнити помогли нам установить контакт с прогрессивными писательскими организациями Японии.

Этот контакт является одним из проявлений взаимного стремления народов Советского Союза и Японии к нормализации отношений. Сейчас в Японии идут песни советских драматургов, устанавливаются связи с советским кино, издается много наших книг, пользующихся, судя по японской прессе, неизменным успехом у читателей, что является ярким показателем интереса к советской культуре.

Такой же взаимный интерес к талантливой японской литературе мы наблюдаем и в Советском Союзе. За последнее время у нас издан ряд произведений японских литераторов, хорошо принятых советскими читателями.

Очень радостным является установление добрых отношений с писателями арабских стран. В Советский Союз впервые приезжали видный писатель Сирии Махавиб аль-Кайли и ливанские писатели Хуссейн Мурру и Жорж Хания. Но возвращении на родину они выступили в печати, много рассказывали о Советской стране, ее литературе, искусстве. Для укрепления культурных связей в Сирию и Ливан выехала советская делегация во главе с Н. Тихоновым. Несомненно, что этот визит послужит развитию нашей дружбы с народами Арабского Востока.

Где побывали за это время советские писатели? — Никогда еще, кажется, наши писатели столько не путешествовали, как в минувшем году. Они побывали в самых различных странах земного шара, начиная с Китая, Индии, Бирмы и кончая Соединенными Штатами Америки. Это были и официальные поездки, связанные с проведением юбилейных торжеств в честь Шиллера, Мцкевича, Берса, и миссии дружбы

и доброй воли, посланные для участия в различных конгрессах и съездах интеллигенции. Несколько советских писателей, как известно, совершили в составе делегации журналистов интересную поездку в США и установили контакт с представителями ее интеллигенции. Жаль, конечно, что до сих пор культурное общение с этой большой и интересной страной все еще затруднено. Мы приглашали в свое время американских писателей принять участие в нашем съезде, в различных культурных юбилеях и просто погостить. Почти во всех случаях мы получали самые добрые ответы. Но, к сожалению, эти писатели не смогли приехать к нам по причинам, от них не зависящим. Мы надеемся, что дух Женевы разлавит барьеры, мешающие видным представителям североамериканской культуры посетить Советский Союз, и в частности, даст нам возможность увидеть в этот год у себя в гостях Говарда Фаста, Пола Робсона и ряд других деятелей культуры, изъявивших желание погостить в СССР.

Двери нашей страны широко, гостеприимно открыты для представителей зарубежной интеллигенции различных убеждений. Надеюсь, что этот поток не будет односторонним.

Что больше всего интересовало гостей из зарубежных писателей? — Трудно найти общий ответ. Датчанин Ганс Шерфф и поляк В. Броневский приезжали для участия в юбилеях одинаково дорогих нам писателей Андерсена и Мцкевича. Известный французский писатель Жан-Поль Сартр был у нас в связи с постановкой на советской сцене его пьес «Диаз Мак-Кей» и «Только правда». Вместе с ним приезжала французская писательница Симона де Бовуар. Редактор готовящегося в Польше собрания сочинений Маяковского А. Стерн работал в наших литературных музеях и архивах. Австралийский писатель Уолтер Кауфман собрал материалы для книги о Советском Союзе. Побывал у нас и лауреат Нобелевской премии Халлдор Лакснес, автор широко из-

вестной по постановке Малого театра пьесы «Проданная колдунья». Многие приезжали к нам для установления писательских связей, изучения советской литературы, ее опыта. Делегация чехословацких литераторов знакомясь, например, с опытом подготовки Второго съезда советских писателей. И, конечно, все они использовали свои поездки для ознакомления с жизнью советских людей, с сокровищами советской культуры, с достижениями нашего социалистического строительства.

Появились ли в результате этих поездок интересные книги? — Такие книги выходят все время. 13 наших польских друзей, посетивших Советский Союз, написали 13 интересных книг о своей поездке. Индийский писатель Ахмад Аббас издал книгу очерков, которая пользуется большой популярностью у индийского читателя. По сценарию А. Аббаса поставлен оригинальный документальный фильм, который с одинаковым успехом шел в Индии и в СССР. Интересные книги выпустили Стефан Гейм и А. Лундквист. Ряд статей написал китайский драматург Пао Юй. Уругвайский писатель А. Гравина издал познавательную книгу «Путешествие по Советскому Союзу и Чехословакии». Ряд очерков о Советском Союзе и его литературе опубликовал чилийский писатель и публицист В. Тойтельбойм.

Этот перечень можно было бы продолжить — появилось много книг зарубежных писателей самых различных убеждений, честно описывающих в литературе то, что увидели их авторы в нашей стране.

Как зарубежные писатели отреагировали на творчество советских писателей? — Можно сказать, что и наши писатели не остаются в долгу перед своими зарубежными коллегами и не зря возят с собой блокноты. Назову, например, замечательные «Рассказы о Париже» Н. Тихонова, живой, интересный «Норвежский дневник» Е. Симонова, «Три дня в Париже» А. Чаковского, «Тысячу дней» В. Кожанникова, кич-

гу репортажей Ю. Жукова, О. Орестова, О. Скалкина о пребывании в Индии, Бирме, Афганистане, блестящие очерки С. Образцова об Англии, интересную серию очерков А. Софронова, Н. Грибачева, А. Аджуна, раскрывающих картины жизни американского народа.

Успех этих очерков и писательских репортажей говорит о горячем желании советских людей ближе узнать жизнь народов других стран.

Издание книг зарубежных писателей увеличивается пропорционально росту культурных связей. Думаю, не будет ошибкой, если скажем, что никогда за прошлые годы в Советском Союзе не издавалось так много иностранной художественной литературы и никогда не был так велик читательский интерес к ней, как нынче. Об этом свидетельствует успех недавно созданного журнала «Иностранная литература», а также возросший за год почти вдвое выпуск иностранной литературы нашими издательствами. Много произведений зарубежных авторов печатают различные литературные журналы, в частности «Юность», выходящий миллионным тиражом.

Весь, наконец, еще одна область наших литературных связей, которая не поддается статистическому учету. Я говорю о личных контактах советских и зарубежных писателей и их переписке. Она растет буквально из месяца в месяц, — ведь ничто не может так способствовать взаимопониманию, как личная связь людей одной профессии. Примерно за год только Союз писателей получил 835 писем, в том числе из таких далеких стран, как Уругвай, Чили, Австралия, Коста-Рика.

Укрепление наших зарубежных связей является, на мой взгляд, лишь одним из многих показателей усиления культурного общения советского народа с народами земного шара. В этом выражается их стремление к взаимопониманию, дружбе, основанной на равенстве и уважении ко всему тому, что может быть объединено одним словом, приобретающим теперь всеобщее звучание, — к мирному сосуществованию.

НЕДАВНО я прочитал подряд три современные книги о людях техники, промышленности. Два произведения — «Человек и машина» Д. Гранина и «Дни нашей жизни» В. Кетлинской — пользуются широкой известностью; третья книга издана у нас в Свердловске и принадлежит перу молодого уральского литератора — я говорю о повести В. Очеретина «Первое дерзание».

Книги эти читаются с различной степенью интереса, чувствуется, что писали их очень непохожие друг на друга люди, писали о разных сторонах жизни: один рассказывает о научных работниках, другой — о людях машиностроительного завода, третий — о молодых металлургах. Но во всех этих книгах я нашел немало общих черт, видимо, вообще присущих большинству произведений на эти темы. Это и заставило меня, заводского работника, высказать некоторые свои соображения, тем более, что вскоре соберется совещание писателей Урала, где будут обсуждены новые книги о людях труда.

Вы помните? Чувства свое бывшее сердце, он шел по дорожке к катке. Был ясный, морозный день. Старые кудрявые березы, обвисшие ветвями от снега, казались, были разубраны в новые торжественные рыли. Он шел и спрашивал свое сердце: «О чем ты? Что ты? Молчи, глупое».

Знакомый встретился и окликнул его, но он даже не узнал, кто это был. Он знал, что она тут, на катке, по радости и страху, охватившим его сердце.

Он сошел вниз, избегая пологую смотреть на нее, как на солнце, но он видел ее, как солнце, и не глядя.

Она была прекраснее, чем он воображал. С трудом удерживая улыбку счастья, он слышал ее голос: «Вместе, сказала она, давайте кататься вместе». А потом выбежал на гладкий лед и покатила без усилий, как будто одна своей волей быстрей, укорачивая и направляя бег.

Это Левин. Левин и Кити из романа Л. Толстого «Анна Каренина».

А это помните? «...Он сидел на скамейке, сняв один ботинок с коновком, и забывшись второй и переобуваясь, беседовал с подсевшими к нему комсомольцами. Время от времени до Ани доносился его голос: — О водной станции надо думать именно сейчас, именно сейчас!».

— То есть как так нету? Поезжайте в обдормовет, требуйте!

И Аня поняла, что Лиденко с ней заговорил не случайно, что он работает и тут, в этот чудный вечер на катке, так же, как всегда и везде, если попадаете хотя бы один заводской человек... и в этом, наверное, и есть суть того, что называется профессией партийного работника.

Это сцена из романа В. Кетлинской «Дни нашей жизни».

Дело, конечно, не в описании катка и уж, конечно, не в сравнении мастерства Кетлинской и Толстого. Разумеется, важно и не то, что у Толстого речь идет о любви, а у Кетлинской на катке люди говорят о делах. Мне кажется, что эти два сложных эпизода обнимают, делают ясным сам подход писателя к жизненным явлениям.

Для чего понадобился каток Толстому? Пестрая толпа. Грохот салазок. Голоса. Все это мимолодом. Ведь герой видит все только в лучах ее улыбки. И это главное — для него, для автора, для читателя. Волнение героя, осязание пульса, оживает картину. Оно — правдиво, потому что прочувствовано. Сильно — потому что пропущено. Читатель верит. Ему понятны чувства. Он находит сходство со своим, пережитым. Он думает. Мне кажется это основным, особенно важным: книга заставила читателя задуматься над жизнью.

У Кетлинской на катке собрались почти все действующие лица романа: здесь и Желя Никитин, бережно, двумя руками ведет толстенную девушку с заморающим от сладостного испуга лицом, здесь и Аркадий неотрывно следит за пожатиями в высоких ботинках, падают Гаршин, сосредоточенно и строго бежит Полозов, Аня, вначале нетвердо, потом вырех мчится по льду. Здесь и парторг Лиденко, который сначала шутит с Аней, почему полезно вытаскивать на лед партийных работников, потом беседует с комсомольцами.

Рассказано о многих героях. Глубоко прочувствовано состояние хотя бы одного из них невозможно. Да автор и не задумался, видимо, этой целью в сцене, предельно напряженной для того, чтобы проиллюстрировать многообразие культурных запросов персонажей.

В жизни не часто можно увидеть парторгов на катке, еще реже это случается в литературе. А вот у В. Кетлинской Лиденко нашел время. Казалось бы, прекрасный повод открыть читателю душу этого человека. Мы слышим, как говорит он с Аней, видим, как беседует с комсомольцами — и там и тут, как партийный работник, но мы не чувствуем, что это его потребность, не понимаем необходимости его разговора, не видим красоты и поэзии его партийной работы.

Говорят, что у художника особенные глаза, которые видят то, чего не замечаем мы, грешные. Этому можно поверить: действительно, нередко книга заставляет

И. КОРНИЛОВ,
директор машиностроительного завода

Размышления над книгой

вдруг увидеть в новом свете какое-нибудь обобщенное, примелькавшееся дело, явление, событие. Такая книга обогащает. Но сколько есть произведений, где очень много, слишком много описаний ради описаний. Нечто вроде этнографии, — только этнография рассказывает о неизвестном, и потому она интересна и поучительна, а описательная литература повествует об общеизвестных вещах, и потому она просто скучна. Такими «пустыми» местами злоупотребил повесть В. Очеретина, есть они и у В. Кетлинской и у Д. Гранина.

Отчего бы это? Может быть, оттого, что критики часто говорят: «Писатель обобщает действительность», а писатель, боясь страшного упрека, старательно вписывает в роман все, что видит в жизни, как будто от этого изображение станет богаче и полнее. Позову себе еще один пример из «Дней нашей жизни»:

«... Садись, встань, сыграем. Он начал осторожно выкладывать из коробки шахматы. Ладыя выкатилась у него из-под руки и со стуком упала на пол. Вдохнув, Ефим Кузьмич опустил с колен Галочку, чтобы она разыграла ладыю...»

— Выбери! — и Иван Иванович протянул здоровенные жилистые кулаки с зажатыми в них пешками.

Клементьеву выпало играть черными, Гусакوف удовлетворенно хмыкнул.

И, только поспев расставить фигуры, стремительно двинул вперед королевскую пешку. Ефим Кузьмич, пораздумав, ответил тем же, Иван Иванович немедленно метнул вперед слона.

— До смерти напугал, — насмешливо сказал Ефим Кузьмич и спокойно двинул на одну клетку вторую пешку.

Этот эпизод нелепо написан, но что он добавляет к нашему пониманию характера героя? А вот что: еще раз показана разносторонность героев — вот, мол, станки, а тоже шахматы увлекаются.

Человек раскрывается в труде. Но описания работы человека у станка или чертежной доски необходимы и правомерны для читателя только тогда, когда они могут дать мне больше, чем я вижу, наблюдая эти процессы в самой жизни. Мало того. Думается, что основное назначение художественной литературы и не в том, чтобы распространять технические новшества, производственные починки, передовую технологию и т. д.

Повесть В. Очеретина «Первое дерзание» появилась в то время, когда на металлургических заводах вводились скоростные плавки. Явление интересное. Очеретин рассказывает о нем. Автора хвалили за хорошее описание производства. Теперь скоростные плавки — обычное дело. И поэтому книгу сейчас не хочется перечитывать: главное в ней — сталевадение, обремененное героями, вояжностями, лирическими сценами.

Другого ищем мы в романе. О новом почине каждый рабочий, техник, инженер прочтет в газете, о технических новинках — в брошюре, специальном исследовании. Мне кажется, что у нас еще существует довольно примитивное представление о прямом воздействии художественной литературы на жизнь. Иногда о книге судят так, как будто читатель обязательно должен немедленно повторить поступки героя. Тогда, может быть, нужна особая художественная литература для токаря, особая для доярки, особая для бухгалтера?

Вот, наверное, из этого представления и родился анекдот, похожий на правду. Принес драматург в один из уральских театров пьесу, а ему говорят:

— Нам пьеса не подойдет. Это в Астрахань или Владивосток — сами понимаем: о рыбаках пьеса!

Читатель не всегда прочтет в романе, какими приемами ему пользоваться, работая у станка. Разумеется, писатель должен быть точен, но техническая точность не восполнит художественной неполноценности или бедности психологического анализа в произведении. Специалисты говорят, что Суриков в картине «Боярыня Морозова» сделал какую-то ошибку. Но никто не хочет замечать ее, потому что произведение это истинно художественное, оно развивает эстетическое чувство, раскрывает суть явления.

Пример этот, конечно, исключительный, но в нем таится зерно ответа на вопрос: чем мы ждем, беря в руки новую книгу? Ждем углубления собственных познаний о человеческой душе, расширения своего жизненного опыта. Все эти ожидания способны удовлетворить любая хорошая книга. От романа о людях труда человек, работающий в промышленности, ждет еще и другого: не только раскрытия человеческой психологии вообще, но познания тех особенностей, которые накладывают на людей их жизнь на заводе, их профессию, условия их труда. Как организовать производство, как внедрить новую технологию, как опре-

делить свойства материалов — я знаю из множества специальных источников. Как «взлететь» в душу человеческую, познать глубже людей, с которыми живешь и работаешь, — об этом может рассказать лишь собственный жизненный опыт и искусство. В этом огромной важности деле оно должно помочь — для того искусство, по-моему, и существует.

...Как-то пришел я в молодежное общежитие и увидел парнишку, который днем сидел на кровати и скучал. Оказалось, что на заводе он уже не работает: уволен. За прогулы.

— Почему прогуливаешь? — спрашиваю.

— Ботинки нет, развалились... Гляжу: верно — одни дыры.

— Чем же ты живешь? — А ребята комят... Ну, конечно, возмущился: вот, думаю, безобразно, никакой чуткости к человеку. Вызываю начальника цеха, хозяйственника, чтобы обругать их покрепче. А они несут сведения о его заработках. Парнишка только что пришел из ремесленного училища и за месяц заработал 1400 рублей. И вместе с тем — прогул за прогулом. Однако бросать человека нельзя, предлагаю снова взять его на работу, а начальник цеха решительно возражает: «Хватит, говорит, я с ним муки принял. Прогрудишь и пняника!» А парнишке семнадцать лет...

Наивно было бы полагать, что литература может дать ответ на то, как следует поступить в данном случае, дать рецепт. Но я хочу знать этого парнишку до нашей встречи, хочу знать, чем он, как говорится, дышит, как, под воздействием каких условий складывался такой характер. Я хочу больше и отчетливее знать о психологии того молодого поколения, к которому сам уже не принадлежу и которое отличается от моего поколения.

В повести «Первое дерзание» сегодняшней рабочей молодежи посвящены все 559 страниц. Здесь рассказано о людях много верного, списанного с жизни. Но то, что возвращается списанным, в жизни оказывается не нужным, потому что все это хорошо известно любому человеку, хотя бы слегка знакомому с промышленностью. В искусстве, в романе, именно в романе, необходимо осмысление больших явлений и процессов, глубокий анализ скрытых причин, крупное обобщение.

Сюжет большинства произведений о людях труда строится вокруг какого-нибудь дела, захватившего весь коллектив. «Далеко от Москвы» — это история строительства нефтепровода, «Дни нашей жизни» — создание новой турбины, «Первое дерзание» — внедрение скоростных плавки, «Искатели» — конструирование нового прибора. Мне кажется этот принцип закономерным и естественным. Я сужу по нашему заводу. Обычная, «спокойная», будничная жизнь «прячет» людей, не дает им возможности выказать себя полностью.

Примерно года полтора назад зашли мы на завод за созданием одной весьма сложной машины. И вот на этом трудном для всего коллектива деле обнаружилось, кто чего стоит, выявились подлинное лицо каждого работника. Острые стали конфликты, ярые жизни. И коллектив за это короткое время изменился, вырос, изменились, выросли люди... Так что мне приятно приписать некоторых писателей строить свои романы на такой основе. Только мне кажется, что в основе романа должна лежать не просто любая, взятая случайно в жизни история, а ситуация обобщенная, концентрированная, вобравшая в себя характерные черты сотен и тысяч подобных историй. Только тогда книга взволнует с одинаковой силой любого читателя — рабочего, колхозника, интеллигента.

У произведения может быть частная тема — производственная, семейная, колхозная и т. д., но роман должен быть социальным, давать анализ жизни разных слоев общества. Читая классиков, видишь, что у многих из них в основе книги тоже лежит какое-либо дело. Вспоминается, например, Золя: «Дамское счастье» — это история возникновения большого магазина, «Денги» — работа такого капиталистического учреждения, как биржа. Золя грешен в натурализме. И все же, на мой взгляд, описанные им и биржа, и магазин, и рынок в «Чрево Парижа» — это большие обобщения, почти символы, определяющие те или иные стороны жизни буржуазного общества. Социальный анализ раскрывает внутренние пружины поступков людей, групп, классов, и потому самые подробные и конкретные описания читаются с захватывающим интересом. А вот когда в иной современной книге видишь поверхностность, хотя и добросовестное описание дел, разговоров, поступков, — это, по-моему, тоже натурализм, от которого я ждал бы от всей души поскорее избавиться нашим литераторам. Они ведь обладают большим преимуществом: в их распоряжении есть могучий метод познания жизни — теория марксизма-ленинизма, с помощью которой можно исследовать глубочайшие социальные процессы наших дней. Хочется видеть больше ярких книг о рабочем классе, о людях промышленности, книг, помогающих глубже понять себя, осмыслить свою работу, свою жизнь.

СВЕРДЛОВСК

ПЕВЕЦ ГЕРОИЧЕСКИХ ДНЕЙ

Жизнь и творчество Дмитрия Фурманова неразрывно связаны с героической борьбой советского народа против контрреволюции и интервенции. Эпопея гражданской войны получила правдивое, художественное отражение в его произведениях.

Формирование мировосприятия одного из первых советских писателей характерно для целого поколения русской молодежи, вступающей в жизнь в грозную, небывалую в истории человечества эпоху. Это поколение в юном возрасте пережило первую русскую революцию 1905 года. Революционный энтузиазм народа, героизм рабочих класса в борьбе с царским самодержавием запечатлелись навсегда в сознании Фурманова. Только потому он сумел отразить атмосферу, дух 1905 года в произведениях, отражающих события первой русской революции в Иваново-Вознесенске («Как убили отца»). Но это было уже в те времена, когда Фурманов стал писателем-большевиком, когда он уже был в рядах рождающейся советской литературы.

С глубокой искренностью и прямой Фурманов пишет о своем пути к большевизму. Это был путь беспристрастного студента, довольно далекого от университетских социал-демократических кружков, однако, пишет Фурманов, «я чувствовал в себе всю жизнь, с детских годов — внутренний протест, недовольство гнетом, ущемлением в свободе, любовью к бедноте...». Эти чувства развились в молодом Фурманове с особенной силой в годы первой мировой войны, которая была суровой жизненной школой и способствовала росту сознания многих революционеров его поколения.

Счастливым для Фурманова обстоятельством явились его связи с иваново-вознесенскими пролетариями, встреча с замечательным полководцем Красной Армии М. В. Фрунзе и боевое содружество с легендарным народным героем — Чапаевым. Для молодого революционера-большевика не было более воодушевляющей, животельной атмосферы, чем тот боевой революционный дух, которым были проникнуты бойцы отряда иваново-вознесенских пролетариев, чем эта борьба плечом к плечу с легендарным Чапаевым. О том, кем был для Чапаева Фурманов, мы узнаем не только из воспоминаний бойцов, но также из истории гражданской войны на Восточном фронте, но даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне споров и даже из краткого письма писателя Чапаеву, такого теплого и дружеского: «Было — летаем мы с тобой по фронту, как птицы: ...жить хочется, хочется думать живее, работать отчаянней, кинуть и не умотать... вспоминаем тебя, наши частые ссоры, нашу тесную дружбу». То были благодетельные ссоры: в огне

Н. ЖУКОВ, народный художник РСФСР

Разумеется, было у нас немало бесед об искусстве, и признаюсь, не без горечи я убеждался, что если любой культурный англичанин, как правило, хорошо знаком с творчеством Толстого и Достоевского, то в большинстве случаев он не слышал даже о таких титанах русской живописи, как Репин, Суриков, Серов. О советском же изобразительном искусстве он имеет самое туманное и порой искаженное представление. В чем же дело? В магазинах Лондона можно найти великолепные репродукции работ всех великих художников, кроме нас. Я считаю, что в этом до известной степени повинны мы сами. Мало и плохо пропагандируем мы за рубежом свое изобразительное искусство. Назрела, давно назрела необходимость выпускать многоразовные альбомы репродукций, переведенные на иностранные языки монографии о художниках и т. п.

Несколько слов о детском рисовании в Англии. Очень мне понравилась одна телепередача для школьников. На экране телевизора — известный в Англии художник-иллюстратор детских книг. Он разговаривает с сыном-школьником, который просит его нарисовать героя — отважного мальчика. Художник берет карандаш и бумагу, и вы видите, как по белой бумаге движется карандаш и постепенно возникает рисунок. Сначала голова, шея, потом туловище, но нет, — грудь художник стирает, снова рисует ее, теперь уже более энергично, наполняет ее воздухом, делает прогиб спины, решительный шаг, потом еще больше отводит ногу в сторону, поднимает выше руки... Вы наглядно видите, как придал художник созданному им образу выражение отваги, следите за тем, как художник лепит образ.

После этого художник приколол рисунок ключками к стене и ушел. Неожиданно губы героя зашевелились и спросил: «Куда же ты ушел?». Художник подходит и спрашивает: «Ты живой?». Губы отвечают: «А разве ты хотел сделать меня мертвым?». Далее нарисованный мальчуган сходит на письменный стол художника и просит показать ему современный мир: людей, машины, самолеты и т. д., рука художника начинает рисо-

вать... и тут развевается целое приключение, которое смотрится с захватывающим интересом. После такой передачи каждый ребенок потянется за карандашом и бумагой и попытается рисовать. Нам есть тут чему поучиться. Эта передача запомнилась мне, как хороший пример пропаганды изобразительного искусства среди детей, которой мы уделяем незаслуженно мало внимания.

В городе Абердине, в местном музее, есть зал, который отведен специально для школьников. Экспозиция в зале все время меняется, в зависимости от того, что проходит выставка эстампов Дома. При музее есть специальный искусствовед, который помогает школьному учителю рисования проводить экскурсии.

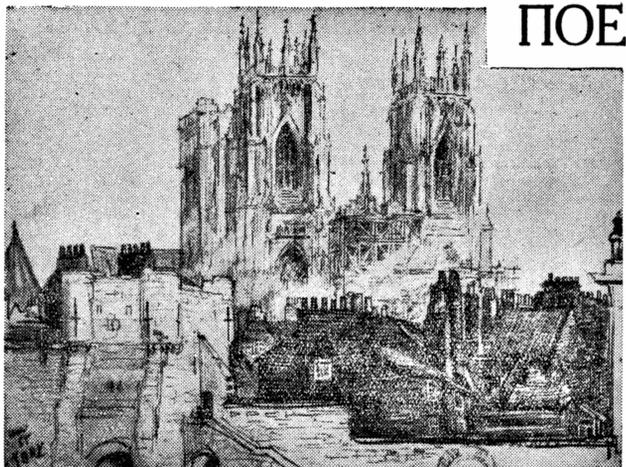
Эти примеры, по-моему, заслуживают изучения для лучшей постановки рисования в нашей школе.

Во время моего пребывания в Лондоне там была открыта выставка творчества советских детей. Надо прямо сказать, меня эта выставка удивила и огорчила. Я видел ее в Москве, перед отправкой в Англию; там было много прекрасных, непосредственных детских рисунков. Повидимому, при отборе работ для показа за границей предпочли взять только те, в которых «по-взрослому» рванулись замысловатые сюжеты. Выставка потеряла прелесть детской непосредственности, — стала какой-то серой, скучной...

На одном из приемов в честь советской делегации мы познакомились с лордом и леди Бойл-Орр, приезжавшими в Советский Союз. Одна советская школьница поларла на память леди Бойл-Орр пионерский галстук и две копейки. Трогательно было увидеть на приеме молодую, милостивую и очень подвижную леди Бойл-Орр с пионерским галстуком на шее и с сергами, искусно сделанными из советских копеек.

На следующий день в доме лорда Бойл-Орр, в зале, я увидел цветущую герань, которую преподнесла им одна маленькая москвичка. Герань привилась и цветет на английской земле. Рости герани леди Бойл-Орр поларла соседним фермерам — она вскружилась...

Этот маленький факт кажется мне знаменательным. Большинство встреч с англичанами, во время нашего пребывания в Англии, убедило нас в том, что ростки англо-советской дружбы могут и должны расцвести пыльным цветом.

Йорк. Старинный собор.

ЭТО было еще до войны. Работая над серией рисунков в «Воспоминаниях о Марксе», я старался представить себе Лондон, места, связанные с жизнью Маркса, изучал английские гравюры тех времен. Мог ли я тогда думать, что через семнадцать лет буду беседовать с добрыми друзьями в английском кафе, где и мебель и газетный свет, кажется, хранит дух минувшего века, а на стенах кафе чей-то дружеской рукой развешаны мои рисунки, посвященные Марксу и Энгельсу.

Эта встреча произошла совсем недавно в городе Брадфорде, где нас, членов советской делегации, с искренней непринужденностью и радушием принимали члены Общества англо-советской дружбы. И таких встреч у нас было немало. Наша делегация побывала в разных английских семьях. Всюду мы встречали теплое гостеприимство, доброжелательное отношение и внимание, интерес к нам, как к гостям из Советского Союза.

Помню, в Лондоне в дом одного инженера мы попали в преддверии войны. Вся семья, начиная от детей, кончая тетей и женой хозяйки дома, мастерица елочные игрушки. Эти игрушки они продавали, а выручку отсылали в фонд помощи газете «Дейли уоркер».

Английские дома, в которых мы побывали, показались нам уютными и удобными для жилья. Неотъемлемая часть английского быта — камин. В вечерний час, в час отдыха, вся семья собирается у камина. Смотришь на их зачуманные лица, по которым перебегают отсветы огня, и думаешь, что выражение «домашний очаг» для них не пустая фраза.

Многочисленные семьи — обычное явление в Англии. Шесть-восемь детей в семье там не редкость. Во время моей первой прогулки по Лондону я обратил внимание на детские коляски — таких я не видел нигде в Европе. Зеркальная лакировка, блеск металлических частей напоминают они последнюю модель «Бьюика», а формой — королескую карету.

Внешний вид английских домов, как и одежда людей, не отличается стремлением к внешней красоте. В просторном обрисованном виде английского города в цвете. Общий колорит — кирпич: Такова доминирующая окраска всех городов Англии. Второй цвет — это цвет известня. Часто стены покрыты известью, а карнизы, вывески и деревянные части домов окрашены в черный цвет. Добавочные цвета — это яркие красные автобусы, обклеенные пестрыми рекламами. Размер реклам на улицах и площадях колеблется в зависимости от толщины кошелька предпринимателей, образуя своеобразную диаграмму. Рядом с гигантскими, доходными в длину до трех этажей, рекламами «Пиво Гинес» или

«Кока-кола» прилепился крохотный, величико со спичечную коробку, призыв какой-нибудь парижмаксерской. На фоне роскошной витрины, где блещут налтон и парча, часто можно увидеть изможденных, с угасшим взором стариков, с двух сторон увешанных цитатами с рекламой магазина или ресторана. В рекламе мало настоящей изобретательности, выдумки, находчивости, порой преобладает безвкусица. Запомнилась мне, к примеру, реклама, на которой изображен негр, держащий ногами банку фруктового сока и льющий содержимое банки себе в рот. Конечно, трудно предположить, что автор этой рекламы обладает художественным вкусом! Но любому поводу, расхваливают ли автомобильные шины или сигареты, в рекламе используются изображения полуодетых женщин. Метро ослезно такого рода рекламами столь густо, что воспринимать их уже просто как обои.

Но, конечно, эта реклама ни в коей мере не является мерилом художественного вкуса английского народа. Неизгладимое впечатление произвели на меня английские музеи. Знаменитые произведения великих мастеров хранятся не только в музеях Лондона, но и в картинных галереях и частных коллекциях Глазго, Эдинбурга, Абердина, где я увидел картины Тициана, Веласкеса, Рубенса, Рембрандта, Ван-Дейка и других всемирно известных художников. Незабываемые часы я провел перед полотнами великих мастеров, они обогатили меня как художника, доставили мне истинное эстетическое наслаждение. Английские музеи и современное английское искусство — тема для отдельной статьи.

Сейчас скажу лишь, что я встретил в Англии большую заинтересованность и желание наладить более регулярные культурные связи с Советским Союзом. Так, директор музея в Глазго предложил послать на время шесть-восемь лучших полотен выдающихся мастеров мирового искусства в один из наших музеев с тем, что мы, в свою очередь, пришлем такое же количество картин для обозрения в музей города Глазго. В Эдинбурге коллектив педагогов и директор Академии художеств предложили обменяться студенческими выставками. Такого рода мероприятия заслуживают всяческой поддержки и могут играть немаловажную роль в деле лучшего взаимопонимания между нашими народами.

Стратфорд-на-Эйвоне. Шекспировские места.

Лондон. У Букингемского дворца.

Злободневное прошлое

Сергей ЛЬВОВ

Когда Фейхтвангер вошел в европейскую литературу, как автор исторических романов, книги этого жанра появились в ней без счета, и чем ближе надвигалась вторая мировая война, тем больше становилось этих книг. Для некоторых зарубежных писателей историческая тема была способом бегства от действительности, другие эксплуатировали интерес буржуазной публики к сенсационным подробностям из жизни великих людей, показывая прошлое сквозь замочные скважины сплетен. Третьи, те немногие, которым принадлежат исторические романы, оставшиеся в большой литературе, могли сказать о себе словами Белинского: «Мы вопрошаем и допрашиваем прошлое, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и наметило нам наше будущее».

Фейхтвангер выразил свою точку зрения на исторический роман, выступив в 1935 году на Парижском конгрессе писателей в защиту культуры с речью на эту тему. «Я стараюсь писать исторические романы, — сказал он, — против тупости и насилия, против того, что Маркс называл погружением в неисторическое. И это не были праздные слова. Во многих произведениях Фейхтвангер показал, что понимает изображение истории не как ожесточенных идеальных схваток.

Но в речи Фейхтвангера утверждение, что он стремится писать исторические романы во имя разума, то есть во имя исторического прогресса, сочеталось с неверием в народные массы, с отрицанием их роли в истории. Он говорил в этой речи, что история всех эпох представляется ему борьбой незначительного меньшинства разумных людей с неразумной толпой.

Так в выступлении писателя отразилась внутренняя противоречивость его исторических романов. Никто из читателей «Лже-Нерона», например, не сомневался, что сатирический подтекст этого произведения — разоблачение фашистской диктатуры, гитлеровских методов политической провокации; злободневное осмысление прошлого было сильной стороной исторических романов Фейхтвангера. Но вместе с тем и в «Лже-Не-

роне» и в других его книгах параллели между прошлым и современностью имели другое, более общее мировоззренческое значение. Писатель заставлял людей разных эпох и народов постоянно решать одни и те же политические и психологические проблемы. В этом отразилось его представление об истории как о повторении одних и тех же неразрешимых столкновений.

Но талант Фейхтвангера-писателя и познания Фейхтвангера-историка в его лучших исторических романах часто пересиливают неверные теоретические построения писателя так же точно, как в его романе о современности, в «Суде», широкая реалистическая картина жизни Германии двадцатых годов перевешивает субъективно-идеалистические рассуждения героя этого романа — Тюрверлена.

Той же внутренней противоречивостью в значительной степени отмечен исторический роман о Воормаре («Лисички в винограднике»). Первая часть этого романа — «Оружие для Америки» — критиковалась несколько лет назад в нашей печати. Справедливо отмечая многие идеальные изъяны этой книги, критики, к сожалению, не заметили важного шага, который сделал в ней Фейхтвангер. Он избрал исторический период, который был ознаменован борьбой Северной Америки за независимость и приближением Франции к буржуазной революции. Представление о неподвижности истории, о повторяемости исторических процессов никак не могло выдержать столкновения с подлинным материалом этой эпохи. Недаром в его романе о Руссо («Мудрость простака»), действие которого происходит в канун и в годы Французской буржуазной революции, впервые зазвучала вера в творческие силы народа.

Новый взгляд писателя на историю появился и в романе «Гойя, или тяжкий путь познания». Этот роман — последнее произведение Фейхтвангера, но он недавно переведен на русский язык, стал известен широкому читателю, и именно поэтому на нем стоит остановиться.

Несколько слов о том, как роман издан. Высокой оценки заслуживает перевод, полезные сведения содержит послесловие О. Егорова. Но его автор словно бы не решается прямо говорить о том, что неверно в романе. Жаль также, что Издательство иностранной литературы выпустило роман без примечаний, объяс-

няющих исторические и искусствоведческие понятия, которые могут быть неизвестны широкому читателю.

Писать о Гойе — трудно: он принадлежит к числу деятелей культуры, творчество которых приходится на переломные моменты истории и в течение десятилетий вызывает споры потомков.

Прогрессивная общественная мысль видела и видит в Гое великого реалиста, органически связанного с народной жизнью Испании, борца против инквизиции, против мракобесия и реакции. Об этом проникновенно сказал наш Стасов: «Со стороны правды, естественности, глубины мысли, горячего чувства, национальности и историчности, Гойя есть, на мой взгляд, лучший и высший художник конца XVIII и начала XIX века».

С другой стороны, по сей день не прекращаются попытки представить Гойю мрачным человеконенавистником, певцом инквизиции, изобразителем предшествующим поколениям. Эта точка зрения настолько укоренилась в буржуазном искусствоведении, что, например, в недавно переизданной истории искусства немецкого ученого Рихарда Гамайна о «глубочайшем презрении ко всему человеческому» Гойя говорится, как о чем-то давно доказанном.

Но независимо от позднейших противоречивых толкований жизни и творческого пути художника необыкновенно сложной для воссоздания. Он был сыном простого ремесленника, а стал ярким живописцем. Приворный живописец в стране, где инквизиция была всемогущей, он разоблачил инквизицию в своих офортах. Создатель реалистических портретов, он был и автором фантастических картин, мысль которых зашифрована в форму сложнейших инскааний. Сложный человек, сложный художник, живший в необыкновенно сложную эпоху, работавший в необыкновенно сложной обстановке, — таким был Гойя, и таким он привлек внимание Фейхтвангера.

Образ Гойя возникает в романе на фоне исторической эпохи, написанной ярко, сильно, страстно. В романе есть сцена — своего рода ключ к этой книге. Друг Гойя — поэт Кинтана читает друзьям историю человека, за триста лет до того замеченного инквизицией. «Молодой писатель изображал прошлое так, словно за ним не было трехсотлетней давности, — оно волновало и возмущало, как злоба дня».

Именно так Фейхтвангер описывает эпоху Гойя.

Но это отнюдь не модернизация истории, исходящая из представления о повторяемости исторического процесса. Нет, это страстное стремление вскрыть в прошлом корни того, что и в настоя-

щем стоит на пути прогресса и мира, что враждебно жизни народов. Недаром одна из наиболее сильных и значительных глав романа — глава об испанской инквизиции — воспринимается не только как описание обстановки, в которой приходилось жить и творить Гойе, но и как гневное обвинение писателя «охотникам за ведьмами» XX века — этим духовным наследникам инквизиции. «...Считалось, что ее деятельность ограничивается розыском и наказанием ереси. Но что только не называлось ересью! Прежде всего ересью хотя в малой степени, противоречащая вероучению а значит, католическому инквизиция лежала проверка всего, что писалось, печаталось, произносилось, пелось и плясалось... Под страхом отлучения дети должны были доносить на родителей, мужья и жены — друг на друга...»

Фейхтвангер выбрал в жизни художника годы, наполненные огромными общественными и личными потрясениями и ознаменованные созданием его значительнейших произведений. Драматичные страницы, посвященные в романе личной жизни Гойя. Но самые драматические, самые напряженные страницы — те, где раскрывается процесс его творчества. И это большое достоинство книги: ведь Гойя был неутомимым тружеником!

Писатель не просто рассказывает о произведениях Гойя, он изображает процесс их создания. Прослеживая рождение и воплощение замысла, писатель показывает сложную связь картины с тем, как воспринимает художник окружающую действительность, с его трагическим ощущением бед и боли народной жизни.

Художник живет в романе среди людей, которые по-разному относятся к его творчеству. Великолепно рассказано о его отношении с помощником — художником Аугустином Эстеве, который не обладает творческим даром Гойя, но зато способен до конца понять и силу его новаторства и резко осудить друга, когда тот на мгновение довольствуется малым. Злым сарказмом пронизуют рассказы, в которых работы Гойя смотрят ученые педанты: сила, исходящая из этих полотен, захватывает и покоряет, но излюбленные догмы мешают признать право этих портретов на существование. Не понимая того, что художник, подобно Гойе, сам устанавливает законы искусства, они пытаются втиснуть его в рамки школьных прописей... И снова эти страницы воспринимаются не только, как экскурс в историю, но и как ироническая отповедь академизму нового времени.

На снимке: сцена из спектакля «На дне» М. Горького, поставленного в парижском театре «Эвр». В роли Василия Пепла — Ленан Сури, в роли Василиса — Марин Сеннер.

Снимок из газеты «Юманите»

ВЫшел в свет новый роман известного венгерского писателя, шестидесятилетнего которого недавно отмечалось общественностью Венгрии, Шандора Гергея. Книга называется «Горный путь». Это первая часть задуманной писателем автобиографической трилогии. В центре книги — события бурного 1919 года. Герой романа, сержант-доброволец Бени Тако, попавший на фронт со школьной скамьи, после многих жизненных потрясений находит путь к коммунистической партии. Автор широко показывает Венгрию того времени.

Книга Шандора Гергея тепло встречена венгерской критикой.

Интервью Ж.-П. САРТРА
Словацкая газета «Правда» опубликовала беседу с французским писателем Жан-Полем Сартром. Корреспондент газеты посетил писателя в Париже.

Отвечая на вопросы газеты, Сартр сказал: «Литература не имеет никакой ценности, если политика для нее — некая категория, не имеющая связи с реальной жизнью. В моем понимании «реальная жизнь» — это жизнь во всей ее сложности, полноте и многогранности. Я включил в это понятие современную действительность и политику». Говоря о борьбе против угрозы войны, Сартр подчеркнул, что «исключение из литературного творчества этой важнейшей проблемы нашей действительности было бы антихудожественным».

Задача писателя состоит в том, чтобы суметь увидеть и описать подлинную жизнь, сказал Жан-Поль Сартр. А это предполагает, что писатель сможет показать не только судьбы героев, но и социальные условия, определяющие эти судьбы. Так, если роман избрал сюжетом книги отношения влюбленных, то в романе должны найт отражение также и условия, препятствующие или способствующие развитию их любви... «Позтому, — добавил писатель, — я думаю, что так называемые психологические романы, авторы которых пытаются писать только о любви своих героев, обречены на неудачу».

В заключение Жан-Поль Сартр поделился своими творческими планами. Он работает сейчас над киносценарием по пьесе американского драматурга Артура Миллера «Салемский процесс». Кроме того, готовится начать большую книгу, в которой хочет рассказать «историю жизни чехословака, родившегося за несколько лет до 1914 года... и жившего ныне — в 1956 году — в условиях, абсолютно не похожих на те, в которых он рос и воспитывался».

Я хочу показать становление этого человека, влияние внешних событий на его жизнь и мировоззрение. Мне хотелось бы, чтобы многие пятидесятилетние люди узнали себя в герое этой книги».

ПЬЕСА ГОРЬКОГО В ПАРИЖЕ
В парижском театре «Эвр» состоялась премьера пьесы М. Горького «На дне». Французская театральная критика высоко оценила новую постановку. На следующий

литературный институт имени А. М. Горького объявляет творческий конкурс для лиц, имеющих законченное среднее образование, желающих поступить в институт в 1956 году. Творческий конкурс проводится по 25 июня.

На творческий конкурс принимаются повести, рассказы, очерки, поэмы, пьесы, стихи, критические статьи. Неопубликованные произведения должны быть перепечатаны на машинке. Произведения, написанные не на русском языке, должны сопровождаться подстрочным переводом.

Автор произведений, присылаемых на конкурс, должен сообщить свой возраст, профессию, стаж трудовой деятельности, какое учебное заведение и где окончил, национальность, партийность, с какого времени пишет на каком отделении (заочном или основном) желает учиться и точный домашний адрес.

О решении Конкурсной комиссии авторы произведений уведомляются не позднее 15 июля.

Лица, выдержавшие творческий конкурс, допускаются к приемным экзаменам и могут прислать заявления о приеме в институт с соответствующими документами в установленные для приема в вузы сроки.

Адрес Конкурсной комиссии: Москва, К-104, Тверской бульвар, 25.

Одна из сильнейших в романе — глава, где Гойя-приворный работает над парадным портретом семьи Карлоса IV. Под пером Фейхтвангера возникает замечательное описание работы над картиной, в котором видно, какой разоблачительной может быть безжалостная точность реалистического искусства, как канал убийственной иронии может быть заключена в контрасте между торжественным серебром и золотом украшений, чудесными зеленоватыми-желтыми, темнокрасными, коричневыми тонами парадных одеяний и напыщенной пустотой бездушных лиц и поз...
Сжатый, резкий, энергичным слогом, внутренне близким к той манере, в которой выполнял свои офорты Гойя, говорит о них Фейхтвангер. «...Эти были рисунки, понятные каждому. Вот большой старый осел с важным видом ревностно обучает абзубе молодого ослика: вот павиан нагрявывает на гитаре восхитившей старой ослице, а свита ее восторженно рукоплещет; вот знатный осел изучает родовую свою предков — верению ослов, которая тянется через целое тысячелетие...»

Конечно, не со всеми истолкованиями, которые дает Фейхтвангер произведениям Гойя, можно согласиться. Вот, например, в связи с картиной, изображающей зал в доме для умалишенных, Фейхтвангер так говорит о чувствах художника: «...если и при виде сумасшедшего дома зрителем не овладевало бессознательное желание сбросить с себя все — одежду, приличия, разум, — тогда, значит, картины написаны напрасно, они не удалась».

Картина, о которой идет речь, проникнута ужасом перед безумием, болью за человека, отраженным в темных силах, которые лишили его разума. А Фейхтвангер приписывает создателю этой картины сладострастное восхищение безумием! Эти страницы не могут не вызвать решительного несогласия, тем более, что любованье страданиям истолковывается в этой главе, как истинное национальное свойство испанского духа. Есть в романе и другие отступления на ошибочные позиции прежнеем лет: снова, как и в прежних книгах Фейхтвангера, хотя и более глуше, звучит в романе мысль, что лишь обходные пути ведут к благородным целям.

Но, отмечаая непреодоленные ошибки, главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: В. АГАПОВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, П. КАРЕЛИН, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМРНОВ, Н. ШАМОТА (зам. главного редактора).